

Образы цыган в поэме

Земфира представляет замечательное художественное воплощение цельной, непосредственной натуры. Она выдержана поэтом с первого слова до последнего своего восклицания.

Поэтической прелести и грации исполнена ее коротенькая песенка, которую она поет, качая ребенка. Страстная, порывистая натура цыганки выразилась всецело в ее словах:

Старый муж, грозный муж,
Режь меня, жги меня:
Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня.
Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другого люблю,
Умираю любя.

Вся пылкая любовь Земфиры и жажда к безграничной свободе выразилась в этих словах. Она потому так энергично и вызывающе ведет себя по отношению к Алеко, что отстаивает самое дорогое и заветное, что у нее есть: свободу чувства. Ведь у простой дикой цыганки ничего больше и нет, в чем бы она могла проявить свою личность, кроме свободного и искреннего чувства. Отнять у нее это значило бы лишить ее духовного облика; она это инстинктивно понимает, а потому и говорит: «Умираю любя». Без этого чувства Земфира становится живым трупом, и тогда она предпочитает уже и смерть физическую. С этим восклицанием она умирает, сохраняя сознание своего человеческого достоинства, так как по мнению дикой цыганки любить значит жить, а без свободной и искренней любви нет жизни. Возлюбленный ее убит, предмет свободной страсти погиб, а следовательно, нет смысла и жить.

По Б. Майкову

Старик-цыган, отец Земфиры, прямо противоположен Алеко по своему характеру; это спокойный человек, просто и благодушно относящийся к жизни. Его устами поэт осуждает эгоизм и жестокость Алеко:

«Оставь нас, гордый человек! –

говорит цыган после совершения Алеко кровавой расправы, –

Мы дики, нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казним,
Не нужно крови нам и стонов;
Но жить с убийцей не хотим.
Ты не рожден для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасен нам твой будет глас:
Мы робки и добры душою,
Ты зол и смел; – оставь же нас...»

Старик – представитель людей простых и близких к природе. Он добр и кроток, незлобив и великодушен. Он отрекается от злобного гордеца Алеко, но в сердце его нет злобы даже против убийцы дочери. Он говорит ему: «Прости! да будет мир с тобою».

Пушкин явно более сочувствует старику-цыгану, чем Алеко. В этом сказались русская природа поэта, выразились его стремления к народным началам. Но народные начала он еще не совсем ясно понимает. Он заставил, например, старика оправдать измену Зем-

фиры, рассуждая, что любовь является и исчезает по прихоти сердца и ее нельзя остановить, как нельзя луне указать место на небе, приказать ей озарять то, а не другое облако.

По народному понятию, напротив, любовь должна быть вечною. Но, сознательно заставляя старика высказывать несхожие с его характером идеи, поэт бессознательно рисует его верно: старик до смерти своей не разлюбил и не позабыл изменившую ему жену.

По А. Незелену

Старый цыган — полная противоположность Алеко. Это человек не только любящий свою свободу, но умеющий ценить и уважать свободу других. Его жена Мариула когда-то ушла с цыганом из соседнего табора, покинув мужа и оставив маленькую дочь. Старик не погнался за ней, чтобы отомстить, так как он считал, что никто не «в силах удержать любовь». Не мстит он и Алеко за то, что тот отнял у него последнюю радость в жизни — дочь. Образ старого цыгана явно романтичен. Но такая трактовка его нужна была Пушкину для того, чтобы ярче оттенить эгоизм Алеко.

Земфира тоже противоположна Алеко в том отношении, что она не раздумывает над своей жизнью, она покорна чувствам.

По А. Зерчанинову

В противовес Алеко в поэме даются образы цыган: вольная, следующая велениям своих непосредственных чувств Земфира, ее простой и бесхитростный отец.

Нравственные понятия цыган, романтически представленные Пушкиным, целиком выражены в приговоре, который вынес старый цыган убийце его дочери:

«Оставь нас, гордый человек!
Мы дики, нет у нас законов.
Мы не терзаем, не казним,
Не нужно крови нам и стонов;
Но жить с убийцей не хотим».

Провозглашение человечности, добра — вот внутренний смысл последней романтической поэмы Пушкина.

Однако поэт не склонен признать своим идеалом жизнь цыган: полного воплощения человеческих чаяний он не видит и в ней. Пушкин понимает, что «нагота», бедность, примитивные воззрения не составляют человеческого счастья, хотя и выгодно отличаются от «блистательного позора» светской жизни. Самая «правда» следования своим чувствам и желаниям у цыган не поднимается на высоту гуманистического сознания. Да, у них не терзают и не казнят, но все же во имя своего счастья разбивают счастье других. Страдает Алеко, которому изменила Земфира, и старается в кровавой мести заглушить свое страдание. Старый цыган, оставленный Мариулой, знает: «что было, то не будет вновь», «чредою всем дается радость», — и успокаивается, и будто примиряется. Но и его сердце холодно и грустно, но одиночество и его томит и жжет. Как живо передает эти чувства рассказ старого цыгана:

Я молод был; моя душа
В то время радостью кипела,
И ни одна в кудрях моих
Еще сединка не белела;
Между красавиц молодых
Одна была... и долго ею,
Как солнцем, любовался я
И наконец назвал моею.
Ах, быстро молодость моя
Звездой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Еще быстрее: только год

Меня любила Мариула.
Однажды близ кагульских вод
Мы чуждый табор повстречали;
Цыгане те, свои шатры
Разбив близ наших у горы,
Две ночи вместе ночевали.
Они ушли на третью ночь,
И, брося маленькую дочь,
Ушла за ними Мариула.
Я мирно спал; заря блеснула;
Проснулся я: подруги нет!
Ищу, зову – пропал и след.
Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакал!.. с этих пор
Постылы мне все девы мира;
Меж ими никогда мой взор
Не выбирал себе подруги,
И одинокие досуги
Уже ни с кем я не делил.

Поэтому мрачным финальным аккордом заканчивается поэма. Поэтому не находит счастья Пушкин и у «бедных сынов природы».

Реалистически показывая отношения людей, сложившиеся в «неволе душных городов» того времени, рисуя «роковые страсти», проникающие и в «кочевые сени», Пушкин в светлом романтическом устремлении мечтает о счастливой, свободной, гуманной человеческой жизни. Ему грезится такой мир, в котором счастье каждого человека не будет находиться в противоречии со счастьем других людей, — такой мир, в котором свобода будет иметь своим основанием высокую, содержательную, творческую жизнь.

По Г. Абрамовичу

Полную противоположность характеру Алеко представляет цыган. Его речи, все мирозерцание — просты и спокойны. Говорил ли он об измене своей Мариулы, или рассказывал предание об Овидии, или изгонял убийцу дочери, тон речей старого цыгана одинаково объективный, чуждый порывистости и страсти. Не то чтобы он относился к людям безразлично. С теплым чувством рассказывает он о «святом старце» Овидии, сосланном римским императором на берег Дуная, любви и вниманию к нему местных жителей, его чудных рассказах, его тоске по родной земле. Он не может забыть своей любви к Мариуле. Но с годами, с опытом жизни у старика сложилось спокойное философское отношение к людям и жизни. Его ничем нельзя возмутить. Алеко жалуется на то, что Земфира не любит, старик говорит, что это в порядке вещей: женское сердце любит шутя. Алеко изменила Мариула — старик рассуждает:

Кто в силах удержать любовь?
Чредою всем дается радость;
Что было, то не будет вновь.

Алеко убил его дочь. Старик не мстит. Зачем? Ведь ее не воскресить. Он только изгоняет убийцу, потому что Алеко не рожден для дикой воли. Старик даже не желает ему зла: «Прости! да будет мир с тобой» — таковы последние слова цыгана.

С точки зрения художественной правды образ этого философствующего цыгана вызывает возражения. Встречаются ли такие люди? Несомненно, это образ идеализированный; но характеры поэмы — это всегда исключительные характеры, так что некоторая изысканность поэтической характеристики цыгана уместна.

По Н. Щеглову